

— Я сказал тебе сосредоточиться! Посмотри, что ты наделал – кусок лучшего мрамора Розовой Зари испорчен!

Было что-то очень комичное в том, чтобы наблюдать, как девятилетний мальчик так вопиюще ругает парня, который и старше и крупнее его, и в том, как этот старший, более крупный парень съёживается, как будто сама смерть нависла над его головой. Это конечно имело определённый смысл, разумеется. Девятилетний мальчик, возможно, был моложе и меньше, но его культивирование также было выше, чем у большинства посвящённых, вдвое старше его. Старший, более крупный мальчик, едва ли вообще был культиватором. И конечно, он не был мистиком.

Это был последний день квалификационной недели, которая предшествовала ежегодным обрядам инициации Культа Розовой Зари, и полные надежд культиваторы разного возраста стекались издалека, чтобы доказать свою ценность перед своими потенциальными старшими.

— Что ты можешь сказать в свою защиту? — спросил Мирон у мальчика, который выглядел на несколько лет старше его. Крепкий и мускулистый, он хорошо отточил своё тело. Увы, его культивирование явно оставляло желать лучшего. — Ну? Говори! Я, твой отец, решу твою судьбу!

Потенциальный мистик трясся, его глаза отчаянно метались, пока он пытался найти ответ, который спас бы ему жизнь. Вдалеке, среди толпы родителей и других родственников, отец взял на руки рыдающую мать и отвернул их обоих. Пневма Мирона усиливалась по мере того, как тишина затягивалась, выражение лица потемнело от притворной ярости.

— Хо, молодой кириос свиреп, — сказал я, кладя руку на голову моего младшего кузена и энергично взъерошивая его волосы. Я задушил его пневму моей собственной, и молодой кандидат тяжело вздохнул.

— Лию! — воскликнул он, смущённый. — Ты мешаешь!

— Разве старший посвящённый не обязан давать советы своему младшему, когда он ошибается? — спросил я риторически. Ах, мальчишка всё ещё был здесь. — Исчезни, — сказал я, и он помчался обратно к своим родителям.

— Я не ошибся, — сказал Мирон, скрестив руки на груди и раздражённо глядя на удаляющуюся спину кандидата-неудачника. — Вот как отец сказал, что старшие должны справляться с неудачами. Я даже позволил ему сначала объясниться.

Мой дядя определённо думал о чём-то другом, чем мой младший кузен. По-своему Мирон пытался помочь потенциальному посвящённому, дав ему шанс объясниться. Я легко мог себе представить, как он достал для мальчика второй мраморный блок, если бы ему удалось объяснить свою первую неудачу. К сожалению, мой кузен недооценил влияние, которое он оказывает на своих младших.

— Присаживайся, кузен, — сказал я ему, и он неохотно согласился.

— Кто хочет присоединиться к Розовой Заре? — Я крикнул, и толпа претендентов на краю павильона зашевелилась и вздрогнула. Она выплюнула ещё одного мальчика, подгоняемого родителями. Он подошёл с видимой тревогой.

Я щёлкнул пальцами: «Мрамор».

Сол бросил перед кандидатом глыбу мрамора размером с взрослого человека. Мальчишка вздрогнул, когда камень ударился о камень.

— Вы пришли сюда, чтобы разгадать одну из величайших тайн жизни, — заявил я. Кандидат кивнул, как будто это был вопрос. — У Культа Розовой Зари нет ни времени, ни желания полировать каждый грязный кусок бронзы, который приходит к нам. Возложи руки на этот блок мрамора и высеки на нём свой образ.

Он заставил себя встретиться со мной взглядом и понял, что я нахожу его недостойным.

— Позволь нам увидеть твою душу.

Мальчишка стиснул зубы и шагнул вперёд, прижимая обе руки к блоку и широко растопырив пальцы. Его пневма поднялась и пронзила камень, заливая его от края до края. Глаза мальчика сомкнулись, когда он сосредоточился, беззвучно шепча себе под нос, управляя своей жизненной сущностью.

— Ты не спросил его имени, — сердито прошептал Мирон.

Я моргнул, сбитый с толку: «Зачем мне хотеть его знать?»

Камень застонал и треснул, на его поверхности появились микротрещины, которые расползлись как вены от удара молнии. Кандидат ахнул, глаза его распахнулись, и сразу часть мраморной глыбы просто отвалилась. Куски и осколки усыпали землю вокруг того, что теперь стояло там, где прежде была бесформенная колонна.

Статуя кандидата, гордо возвышающаяся над землёй, единственным очевидным отличием от мальчика, чья пневма вырезала её, заключалась в том, что она была обнажённой. Выражение его лица также было гораздо более уверенным и дерзким, мраморные глаза расслабленно смотрели в небо. Он стоял с прямой спиной, положив одну руку на бедро, а другую сжав в кулак сбоку. Это была сильная поза, хорошо продуманная.

Были небольшие несостыковки, проблемы требующие доработки. Нос был не совсем правильной формы, а правое ухо было сколото на кончике. Мускулатура была неправильной в нескольких местах. При всём этом он был намного лучше, чем изуродованная пародия, которую создал предыдущий кандидат.

— Грубовато, — заметил я, и плечи мальчика поникли. — Но я полагаю, что приму это. Твоя судьба теперь в руках старейшин. Возьми свой духовный мрамор и найди того, кто выглядит слишком старым, чтобы быть живым, и скажи им, что тебя послал Молодой Аристократ.

Лицо мальчишки просияло, и он отчаянно поблагодарил меня, прежде чем с некоторым усилием перекинуть статую через плечо. Он углубился в павильон в поисках философа. В толпе его мать подпрыгивала от радости, в то время как его отец принимал рукопожатия и слова похвалы от других мужчин вокруг них.

Павильон, в котором проходили квалификационные испытания, был центральной точкой Культа Розовой Зари, от которого вдоль вершины горы расходились его гимнасии, бани и различные поместья. Он был построен в том же стиле, что и большая агора в Алом городе, где горожане собирались каждый день, чтобы заниматься большинством городских дел, и был сравнимого размера, несмотря на то, что активностей на нём было гораздо меньше.

Нетронутые каменные ступени с каждой стороны вели к массивной алебастровой площади,

обрамлённой колоннами в форме величайших героических культиваторов культа, каждый из которых с тоской смотрел на небеса. В центре центрального павильона находился грандиозный фонтан, извергавший кристально чистую воду из раскрытой ладони безликого мужчины.

В обычный день вокруг великой агоры могло быть несколько десятков посвящённых и торговцев, но сегодня она была заполнена почти до отказа.

— Ты видел разницу между нами? — спросил я своего младшего кузена. Он пристально наблюдал за мной. — Старшие посвящённые высмеивают и угрожают кандидатам, потому что они могут, и потому что их высмеивали и угрожали, когда они сами были кандидатами. Это утверждение той малой известности, что они приобрели с тех пор.

— Это также утверждения давления, — заметил Сол, отстранившись, чтобы понаблюдать. В его глазах был этот отстранённый взгляд, оживляющий то одно, то другое воспоминание. — Есть черты человека, которые вы никогда не увидите, пока не доведёте его до предела.

Я усмехнулся: «Розовая Заря — это не легионы, а эти дети — не солдаты». — Он пожал плечами, прекращая спор.

— Испытания и так достаточно тяжелы, — сказал я. Мирон кивнул. — А ты — столп Розовой Зари, чьё культивирование говорит само за себя. — Ещё один довольный кивок. — Так почему ты лаешь как собака?

— Я не лаю! Я просто... — он нахмурился.

— Копируешь других посвящённых, которые хуже тебя во всех отношениях, — закончил я.

— Но Херон делает это таким образом.

Я поднял бровь. Мирон с позором отвернулся.

— Есть причина, по которой старшие посвящённые вербуются для отбора кандидатов, — объяснил я, садясь и поднимая потерявшийся кусок мрамора размером с мою голову. Я выдохнул, пропитывая его моей пневмой. — Это облегчает бремя наших немногих старейшин, но ненадолго. Настоящая цель — познакомить будущих младших с нынешними старшими.

Мелкий каменный порошок слетел с куска мрамора, когда моя пневма изрезала его. Через несколько мгновений я держал в руке свирепого мраморного орла с широко расправленными крыльями. Я бросил это ему.

— Сегодня день, когда будущие посвящённые будут судить твой характер, — сказал я ему. — Итак, раз ты превосходишь их во всем, действуй соответственно. Оставь лай собакам.

— А прихорашивания предоставь своему кузену. — Сол высказал своё, как обычно, не нужное мнение.

Я усмехнулся: «Принеси нам ещё один блок, раб». — Он фыркнул, но подчинился.

Мирон отряхнул свою культовую одежду и собрался с мыслями: «Я сделаю всё в лучшем виде», — заявил он.

— Я знаю, — сказал я, ласково взъерошивая его волосы. Я пошёл прочь, и ясно слышал, как он воззвал к массам.

— Кто хочет присоединиться к Розовой Заре?!

К вечеру последний из кандидатов в этом году был принят или отклонён и обработан соответствующим образом. Успешным кандидатам давали время, чтобы радостно попрощаться со своими семьями, а затем проводили в одно из отдалённых поместий, где они должны были жить как новые посвящённые. Зачатки для многих братских союзов будут сделаны в эти первые часы, когда будущие посвящённые взволнованно будут рассказывать друг другу о грядущих обрядах.

Обряды начинались глубокой ночью, за несколько часов до рассвета. Однако мужчины и женщины Розовой Зари начали подготовку гораздо раньше. Это было событие, в котором приняли участие все члены культа, от самых низших младших посвящённых до самих столпов, Дэймона Этоса и его братьев.

У каждого культиста была своя роль, когда солнце опускалось за западный горный хребет. Многие отправились в горные тропы в своих церемониальных одеждах с богато украшенными глиняными кувшинами в руках, мчась через убранные пшеничные поля к морю. Другие выстроились вдоль вершин восточного горного хребта с ярко горящими факелами в руках. Претенденты, младшие посвящённые, стремящиеся подняться до старшего ранга, собрались толпой и обменялись колкостями в напряжённом ожидании. Поместья были полны затемнённых движений и возбуждённого шёпота.

Обряды длились два полных дня и закончились на рассвете третьего дня. Из-за конфиденциального характера инициации это были два самых спокойных дня, которые рабы могли испытать на службе Культа Розовой Зари. Каждый слуга был прикован к их комнатам на протяжении всего обряда.

Большинство из них, по крайней мере.

Десятки мужчин вздрогнули и закричали, когда я выбил дверь в их комнаты, пробудившись от того, что, без сомнения, было блаженным сном. Я ярко ухмыльнулся и направился через комнату к единственному мужчине, который имел наглость бросить на меня взгляд. Рабы на моем пути поспешно бросились в сторону.

— Что это? — спросил Сол хриплым ото сна голосом.

Я накинул ему на голову кожаный мешок и туго затянул его, а затем перекинул его через плечо.

— Не борись! — сказал я ему весело.

Традиционно квалификационные испытания были обязательным условием для посвящения в культ. Однако столпы Розовой Зари пользовались уникальной привилегией иметь возможность спонсировать одного посвящённого по своему выбору каждый год, независимо от культивирования или статуса, пока они лично сопровождали их в проведении обрядов. Они могли выбрать кого угодно.

Даже раба.